

Е.А. Прусская
Институт всеобщей истории РАН,
Москва

ИСЛАМ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. О КНИГЕ ЙАНА КОЛЛЕРА

Тема ислама и Франции, мусульман во Франции в силу своей актуальности не раз становилась объектом исследования историков, политологов и социологов. Новая книга Йана Коллера посвящена истории восприятия и политизации ислама в эпоху Французской революции, отношений Франции с мусульманским миром, что позволяет по-новому взглянуть и на сами революционные идеи, и на изменения, произошедшие в стране. Это книга как об истории людей, так и об истории идей в их неизменной взаимосвязи, которая показывает, как на короткий период появились возможности для иного построения взаимоотношений между европейцами и мусульманами, отличных от прежнего противостояния. В период революции мусульмане получили все политические и гражданские права, однако после Термидора, а затем прихода Наполеона Бонапарта к власти, политический вектор новых правительств в отношении ислама и мусульман был изменен.

Ключевые слова: Франция, Французская революция, ислам, колониализм

Цитирование: *Прусская Е.А.* Ислам во Французской революции. О книге Йана Коллера. DOI 10.32608/0235-4349-2022-1-55-400-408 // Французский ежегодник 2022: Т. 55. М.: ИВИ РАН, 2022. С. 400-408.

Поступила в редакцию: 24.02.2022

Принята к печати: 09.05.2022

Evgeniya Prusskaya
Institute of World History,
Moscow

ISLAM IN THE FRENCH REVOLUTION. ON THE BOOK BY IAN COLLER

The questions of relationship of Islam and France, of integration of Muslims into French society have produced an abundant scholarship by historians, political researchers, and sociologists due to its relevance. The new book by Ian Coller is dedicated to the history of the attitude towards

Islam and Muslims, to its politicization and use in the period of the French Revolution. This perceptive provides a fresh look at the very revolutionary ideas and changes that took place in France and to the Revolution itself. The book is about the history of people and about the history of ideas in their inevitable relationship. It shows how for a short period during French Revolution emerged an opportunity for building another relationship between Europeans and Muslims rather than a confrontation. During the revolution, Muslims received all political and civil rights, but after Thermidor and with the Napoleon Bonaparte's coming to power, the politics towards Islam and Muslims was completely changed.

Keywords: French Revolution, Islam, colonialism

Citation: Prusskaya, E., (2022). Islam vo Frantsuzskoi revoliutsii. O knige Iana Kollera [Islam in the French Revolution. On the Book of Ian Collier]. DOI 10.32608/0235-4349-2022-1-55-400-408. *Annual of French Studies* 2022, vol. 55, p. 400-408.

Франция и ислам, мусульмане во Франции – многочисленные дискуссии по этим вопросам, начиная от темы интеграции мусульман во французское светское общество и до сюжета о формах, которые принимает религия в этой европейской стране, стали предметом не только обсуждений в профессиональных исследованиях историков, политологов, религиоведов и социологов, но и среди широкой публики. Вопрос о соотношении светских и религиозных ценностей, каждый раз поднимается в связи с разными резонансными событиями, связанными с мусульманами во Франции, и вызывает жаркие дискуссии в прессе, публицистике и многочисленных обсуждениях. Словом, научный интерес к этой теме на протяжении последних десятилетий вполне понятен и объясним. Однако что мы знаем об отношениях Франции и ислама до того, как мусульманское население стало расти в стране со второй половины XX века (сейчас мусульмане составляют во Франции около 8% населения)? Ранее ряд исследований был посвящен и этой теме, хотя, безусловно, количество мусульман во Франции в первой половине XX в. было несопоставимо меньше, чем сейчас, в XVIII–XIX вв. их вообще насчитывались единицы, а первая мечеть как культовое и архитектурное здание появилась только после Первой мировой войны, как дань памяти погибшим мусульманам, сражавшимся под французскими знаменами¹. Тем не менее,

¹ О периоде 1920-х – 1930-х гг. и о строительстве мечети см.: Davidson N. Only Muslim: Embodying Islam in Twentieth-Century France. Cornell, 2012.

история взаимоотношений Франции с исламом давняя и не сводится ни к присутствию приверженцев этой религии в стране, ни к взаимоотношениям метрополии с колониями.

Если в Средние века ислам в Европе считался ересью и воспринимался крайне негативно, то в эпоху Просвещения отношение к этой религии в философской мысли того времени стало гораздо более нюансированным². Когда же речь идет о Французской революции, вызывающей неизменный интерес у историков разных эпох, то в связи с ней об исламе обычно писали в контексте трансфера революционных идей в арабский мир и его реакции на нее³. Историк же Йан Коллер из Университета Калифорнии в Ирвайне, много лет исследующий тему взаимоотношений Франции и арабского мира в XVIII–XIX вв., предложил в своей новой книге (предыдущая была посвящена арабам во Франции первой трети XIX в.)⁴ новый ракурс рассмотрения данной проблемы, исследовав малоизученную и в общем-то удивительную историю роли ислама во Французской революции⁵.

Работа Коллера – это не просто собрание историй ряда мусульман, оказавшихся волею судеб во Франции в период революционных изменений и ставших их свидетелями, но также история восприятия ислама французскими интеллектуалами того времени, а точнее – того, как тема ислама использовалась в политических дискурсах эпохи. Столь необычный ракурс позволяет взглянуть на Французскую революцию через призму исламского миропонимания. Как отмечает сам Коллер в предисловии к этой солидной работе (она состоит из 10 глав и эпилога), о первых серьезных контактах Франции с миром ислама в эпоху Нового времени обычно принято говорить в контексте Египетской экспедиции Бонапарта и столкновения двух цивилизаций, подчеркивая непонимание и отторжение Революции арабами. Однако задолго до этого ислам присутствовал в повседневной жизни французов – через образы,

² Neaimi S. *L'Islam au siècle des Lumières: image de la civilisation islamique chez les philosophes français du XVIIIe siècle*. P., 2003.

³ *Abu-Lughod I.* Arab Rediscovery of Europe: A Study in Cultural Encounters. Princeton, 1963; *Keddie N.R.* The French Revolution and the Middle East // *Iran and the Muslim World: Resistance and Revolution*. L., 1995. P. 233–249; *Coller I.* The French Revolution and the Islamic World of the Middle East and North Africa // *The Routledge Companion to the French Revolution in World History*. L., 2015. P. 117–134.

⁴ *Coller I.* Arab France: Islam and the Making of Modern Europe, 1798–1831. Berkley, Los Angeles, 2011.

⁵ *Coller I.* Muslims and Citizens. Islam, Politics, and the French Revolution. Yale: Yale University Press, 2020. 360 p. Далее ссылки на эту книгу даются в тексте в круглых скобках.

создаваемые литературой, в философских трактатах, в циркулировавших слухах о североафриканских пиратах, визуально на вывесках лавок и гостиниц – «Grand Mogol», «Grand Turk» – и в других местах, становясь таким образом «знакомым незнакомцем» (С. 15–16). Именно поэтому Коллер анализирует визуальные источники той эпохи в не меньшей степени, чем тексты, как опубликованные, так и архивные. Источниковая база исследования весьма обширна.

Монография повествует и об истории людей, и об истории идей в их неизменной взаимосвязи. Коллер демонстрирует, как менялось отношение к исламу и мусульманам в разные периоды Революции и как эти изменения были связаны с проблемами, волновавшими французское общество – ниспровержением религии как традиционной основы общества, воплощением идеи о всеобщей свободе и равенстве, вопросом о гражданстве и основах республики.

Первая и отчасти вторая главы книги посвящены историям дипломатических посланников из мусульманского мира – Османской империи и Индии, оказавшимся во Франции в начале Революции. На основе как документальных, так и изобразительных источников Коллер анализирует восприятие их во французском обществе, в котором происходило стремительное изменение ключевых социальных идей – о расе, религии и т.д. Автор уделяет также внимание анализу отношений Франции с исламскими государствами того времени. Он отмечает, что, если изначально образ мусульман был патриархальным, то с началом революционных событий в 1789 г. он стал стремительно меняться: «в сентиментальных нарративах революционных эмоций мусульмане все чаще изображались как братья» (С. 35), что стало основой для дальнейшего их восприятия уже не как «Других», но как потенциальных сограждан (С. 40).

С нарастанием Революции, как показано в третьей главе, развернулась дискуссия о месте мусульман, иудеев и вообще не католиков во французском гражданском обществе. В результате, Национальное собрание декретом 24 декабря 1789 г. дало все права граждан мусульманам, которые наряду с представителями всех не католических конфессий могли отныне занимать гражданские и военные должности, хотя приверженцев ислама в то время во Франции было очень мало. Коллер видит в этом действии не «утопический жест, но характерную черту нового общества, которое

хотели построить революционеры» (С. 62). Ожесточенные же дебаты о том, какое место в новых социальных структурах могут занимать не-католики, сами по себе свидетельствовали о разрыве со Старым порядком. По мнению Коллера, вопрос о правах мусульман в этих дискуссиях использовался «для определения нового типа универсальности, тесно связанной с новой концепцией нации как открытого политического сообщества» и для формирования нового, революционного концепта «равенства» (С. 81).

В четвертой главе Коллер исследует развитие идеи об универсальности революции через призму ислама. Автор повествует о делегации представителей разных народов с революционным и политическим деятелем бароном Клоотсом во главе, которая явилась в Национальное собрание в июне 1790 г. Среди ее участников были в том числе мусульмане, одетые в традиционные костюмы с тюрбанами. Появление этой делегации, по словам Коллера, спровоцировало шквал эмоций: хотя театрализованное действо вызывало подозрения в том, что Клоотс привел актеров оперы, тем не менее наглядная демонстрация единства и братства всех народов сильно впечатлила депутатов, и на том же заседании они неожиданно для всех проголосовали за отмену наследственных титулов. Так была разрушена социальная система, существовавшая во Франции веками, и появилось основание для нового понимания гражданства (С. 83), а тюрбан стал символом универсальных ценностей революции.

Пятая глава посвящена вопросу о том, как образы мусульман и ислама использовались в дискуссиях о месте религии во Франции и о необходимости гражданской клятвы священников в 1791 г. Как показал Коллер, тема ислама вновь оказалась востребована в дебатах революционеров и их противников в связи с переменами в отношении государства к религии и к роли католицизма. Апелляция к исламу производилась для обоснования или, наоборот, для осуждения происходивших изменений в религиозной жизни – в зависимости от позиции выступавшего. В то же время упоминание мусульман в прессе, публицистике и устных выступлениях должно было показать, что католицизм – лишь одна из религий страны, а отнюдь не единственная и доминирующая конфессия (С. 106). Коллер отмечает интересную деталь: при погружении в эти дискуссии у читателя может создаться впечатление, что минареты и мечети появлялись в ту эпоху во Франции, как грибы после

дождя. К этому воображаемому распространению ислама апеллировали при отстаивании своей точки зрения и сторонники, и противники изменившийся роли католической церкви.

Шестая глава демонстрирует, как революционная Франция, окруженная враждебными соседями в Европе, нашла поддержку, в том числе финансовую, у дея Алжира, который первым из иностранных государств признал Французскую республику в мае 1793 г. Это повлияло и на образ мусульманского государства во французской прессе и публицистике: Алжир стали описывать не как варварскую деспотию и гнездо пиратов, а как республику, причем демократическую (С. 127). В этой главе Коллер делает важное наблюдение: концепты «братства» присутствовали и в революционном дискурсе, и в исламе, но имели разное наполнение, что приводило к непониманию дееспособности изменений во Франции и равно непониманию французскими представителями в Алжире мотивов его поведения (С. 143–144).

В седьмой главе Коллер рассматривает, как в период революционного правления ислам использовался в дискуссии 1793 г. о «дехристианизации», которая в ту эпоху не просто поставила вопрос о секуляризации общества, но и ознаменовала собою попытку уничтожить христианскую религию как основу общества, заменив ее культом Разума (С. 168). Автор показывает, что, хотя спектр мнений относительно роли религии в обществе был весьма широк, даже атеисты, считавшие, что все религии должны быть упразднены, использовали в своих нарративах фигуру мусульманина в качестве «прецедента всеобщего призыва к Революции» (С. 149), а деисты считали ислам с его строгим монотеизмом и универсальностью религией, наиболее приближенной к идеалу.

То, как все эти идеи повлияли на отношение к реальным мусульманам во Франции периода Террора, Коллер демонстрирует в восьмой главе на примере индийского посланника Ахмада Хана и его брата, прибывших во Францию в 1794 г. Несмотря на ужасы террора и неоднозначное отношение в обществе к религии как социальному институту, братья Хан смогли отправлять во Франции все исламские ритуалы, а окружающие относились сочувственно к их запросам насчет подобающей мусульманам одежды и халляльной еды. Более того, отмечает Коллер, хотя период Террора обычно рассматривается как время крайней подозрительности по отношению к иностранцам, эти мусульмане получали сочувствие

и поддержку со стороны французов и даже правительства: после того, как брат Ахмад Хана Навазих тяжело заболел и скончался в Лионе, прибывший в Париж Ахмад Хан получил от Комитета общественного спасения денежную помощь, несмотря на финансовые трудности того времени. Этот случай показывает, что «столкновение Ахмад Хана с французской революционной культурой обернулось взаимообменом, а не шоком от контакта двух далеких и столь несхожих культур» (С. 176). Ахмад Хан задержался в Париже на несколько месяцев (после года пребывания в Лионе) и, интенсивно изучая французский язык, даже сделал перевод Декларации прав человека и гражданина на фарси, благодаря чему она впервые была изложена на одном из языков мусульманского мира. Примечательно, что по возвращении в Бомбей в 1796 г. Ахмад Хан был арестован, поскольку Британская Ост-Индская компания увидела в нем опасного революционного агента (С. 189).

Хотя Робеспьер и поддержал проект перевода Декларации, он, как показывает Коллер в девятой главе книги, не стремился к распространению революционных идей в мусульманском мире, предпочитая осторожную политику по отношению к нейтральным исламским странам, особенно к Османской империи. В османских городах проживали французы, горячо поддержавшие Революцию, однако создание якобинских клубов могло обеспокоить турецкие власти, а потому Робеспьер, надеявшийся, что султан поддержит Францию, предостерегал соотечественников от революционной активности на территории Османской империи.

Когда эксперименты Робеспьера с насаждением гражданского культа Верховного Существа навлекли на него критику противников, те стали проводить параллели между Пророком Мухаммадом и Робеспьером, возмнившим, по их словам, себя пророком новой религии. Троп о «Робеспьере-Магомете» как самозваном пророке активно использовался против него оппозицией и надолго вошел в качестве одной из его характеристик в общественное мнение (С. 209).

После Термидора, пишет Коллер, осторожная политическая линия Робеспьера в отношении исламского мира сменилась агрессивной экспансионистской политикой, в основе которой лежала новая концепция, совмещавшая в себе одновременно идею универсальности Революции и презрение к мусульманам. Ее апогеем стало вторжение французов в Египет под предводительством Наполеона Бонапарта. Заключительная, десятая глава книги посвя-

щена использованию образа ислама в дискурсе Директории и формированию представления об исламе у Наполеона Бонапарта. Как показывает Коллер, молодой Бонапарт в революционный период стал свидетелем использования образа ислама политическими лидерами для достижения своих целей и перенял у них этот метод. В то же время, по мнению автора, молодой генерал не просто использовал образ ислама как политический инструмент, но поначалу искренне считал, что мусульмане могут поддержать французов и даже «отчасти верил в свою пропаганду» (С. 228). Это утверждение уже долгое время является дискуссионным среди историков, однако Коллер обосновывает свою точку зрения, ссылаясь на изменчивую атмосферу, в которой формировались взгляды Бонапарта. То противостояние мира ислама и Европы, которым характеризовалась вся эпоха Нового времени, начиная с французского вторжения в Египет, началось, по мнению автора, именно после Термидора, с окончанием революционного периода и приходом к власти Бонапарта.

Книга Коллера позволяет не только по-новому взглянуть на проблему взаимоотношений мира ислама и Европы в Новое время, но, по убеждению самого автора, и переосмыслить Революцию в целом: Коллер в эпилоге прямо заявляет, что проведенное им исследование позволило ему увидеть «другую Революцию». Действительно, показанное в монографии включение образов ислама и мусульман в революционные дискурсы, появление идеи о гражданстве для мусульман без их отказа от религии, ставшее возможным в период Революции, заставляет задуматься о том, почему на протяжении последующего за Революцией периода расширения Французской империи вопрос о гражданских и политических правах мусульман французских колоний был таким болезненным, как равно и вопрос о соотношении светских ценностей республики и принципов ислама в более поздние эпохи вплоть до наших дней. Из книги Коллера видно, что мусульмане и ислам в целом, хотя и политизировались в эпоху Революции, однако именно в этот период ненадолго появились возможности для построения взаимоотношений между европейцами и мусульманами, не сводящихся к противостоянию. Однако в силу разных обстоятельств это шанс не был использован.

REFERENCES

- Abu-Lughod I.* Arab Rediscovery of Europe: A Study in Cultural Encounters. Princeton, 1963.
- Coller I.* Arab France: Islam and the Making of Modern Europe, 1798–1831. Berkley, Los Angeles, 2011.
- Coller I.* Muslims and Citizens. Islam, Politics, and the French Revolution. Yale, 2020.
- Coller I.* The French Revolution and the Islamic World of the Middle East and North Africa // The Routledge Companion to the French Revolution in World History / Ed. by A. Forrest and M. Middell. London, 2015. P. 117–134.
- Davidson N.* Only Muslim: Embodying Islam in Twentieth Century France. Cornel, 2012.
- Keddie N.R.* The French Revolution and the Middle East // Iran and the Muslim World: Resistance and Revolution. London, 1995. P. 233–249.
- Neaimi S.* L'Islam au siècle des Lumières : image de la civilisation islamique chez les philosophes français du XVIIIe siècle. Paris, 2003.

Прусская Евгения Александровна

кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а
e-mail: prusskaya@igh.ru

Evgeniya Pruskaya

PhD in History, researcher,
Institute of World History of
the Russian Academy of Sciences
32a, Leninski Ave., 119334
Moscow, Russia
Researcher ID F-3750-2017
Scopus ID 55363525400
ORCID 0000-0002-0197-8911
e-mail: prusskaya@igh.ru